

Сборник новелл
О ЧЁМ РЕЧЬ?

Маленькие реальные истории

Наталья Майорова
О чём речь? Маленькие
реальные истории.
Сборник новелл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067149

ISBN 9785449007353

Аннотация

Эта книжка – собрание трогательных, проникновенных, забавных и живых историй. А также напоминание о том, что любой может стать автором и писать, даже если всегда думал, что у него нет таланта.

Содержание

Галина Радциг	5
Воскресные завтраки	5
Княгиня в ботах	9
Ночной звонок	16
Игры в прятки	20
Светлана Савилова	25
Гражданин страх	25
Стол	27
Евгения Колесник	29
Про людей	29
Про малину	32
Про любовь	34
Алина Литуева	37
Книжная жизнь	37
Палатка	39
Космическая дыра	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

О чём речь?

**Маленькие реальные
истории. Сборник новелл**

Редактор Наталья Майорова

Иллюстратор Pink Liuba

© Pink Liuba, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-0735-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Галина Радциг

Воскресные завтраки

Визиты к бабке Алиция ненавидела. Как и саму бабку. Но мать раз в две недели просто пинками выгоняла ее из дома. Бабка была сказочно богата. Вся родня ждала наследства.

Приглашала Алицию бабка исключительно на завтрак, к восьми часам утра. Значит встать надо в шесть. И это в воскресенье! Для восемнадцатилетней Алиции – конец света. А что делать? Опозданий бабка не терпела. Могла сократить свои финансовые дотации. А то и прекратить их вообще.

К приходу Алиции стол к завтраку был полностью сервирован. На отдельном столике добродушно рокотал старинный самовар. Бабка, Татьяна Петровна, восседала в своем инвалидном кресле, как королева на троне. Безупречная прическа, идеальный маникюр на узловатых пальцах, слегка подкрашенные губы. Алиция подошла, неуклюже присела, как того требовала бабка, приложилась к ручке.

– Отлично выглядишь, – бабка потрепала Алицию по щеке, – больше сорока не дашь!

На столе в хрустальных мисках высились горки сырников с изюмом и пышные ноздреватые оладьи, истекающие мас-

лом. Маленькие хрустальные вазочки с вишневым вареньем и янтарным медом весело отражали лучи утреннего солнца. Тарелка с несколькими сортами сыра кокетливо прикрылась веточкой базилика и крупными черными оливками. В горшочке со сметаной гордо и уверенно стояла серебряная ложка. Пахло умопомрачительно. Дома Алиция обычно завтракала яичницей или блеклыми сосисками.

В животе предательски заурчало.

– Неужели голодаешь, – с участием спросила бабка, – правильно, фигуру надо беречь. У тебя в этом деле явный прогресс!

Алиция постаралась максимально втянуть живот. За последний месяц она набрала полтора килограмма. От этой старой макаки ничего не скроешь!

Алиция очень хотела сырников и оладий со сметаной, но знала, что бабка снова пройдетя по ней своим острым языком. Она взяла с овощной тарелки пару ломтиков огурца и веточку петрушки. Зря она думала смягчить бабку. Та, чуть повернув голову, крикнула:

– Тоня, неси сосиски! Твоястряпня не по нраву. У нас в гостях гурманы!

Появилась румяная Тоня, укоризненно покачала бабке головой. Домработница ловко положила Алиции на тарелку несколько оладий, пододвинула сметану, погладила по голове:

– Ешь, Алечка, не стесняйся!

– Да, да, – тут же подхватила бабка, – ешь, поправляйся, ни в чем себе не отказывай! У тебя явные признаки истощения!

У Алиции в кармане зазвонил телефон. Как не ко времени! Телефон она купила два дня назад на деньги, выданные бабкой для занятий с преподавателем английского.

– Новый телефон, – старая карга вздернула бровь. – Как растет благосостояние нынешних студентов!

– Молодой человек подарил, – краснея, пролепетала Алиция.

– Надо же! Какие у нас поклонники богатые! У парня отличный вкус, он выбрал явно достойный объект для своих симпатий, – закашлялась смехом бабка. И продолжила по-английски: – Кредит на подарок он брал по твоему паспорту?

Алиция растерялась, от страха забыла все, что знала: получился невнятный набор слов.

– Похоже, ты занимаешься языком с утра до вечера. Твое построение фраз и произношение идеально! Я не зря трачу свои деньги, – бабка смотрела на Алицию ласковым взглядом.

Ясновидящая она что ли?!

Тоня разливала чай в старинные чашки, стоящие в целом состоянии. Алиция каждый раз боялась разбить эту невесомую посуду. Вот и сейчас она дрожащими руками приняла от бабкиной домработницы раритет с ароматным напитком.

– Тоня, – тут же отреагировала бабка, – ну что ты со сво-

ими старорежимными замашками? Принеси уже граненый стакан в подстаканнике, чтобы девочке было привычно! И прихвати что-нибудь низкокалорийное к чаю, девочка же на диете! Не надо её искушать!

Бабка продемонстрировала улыбкой великолепную работу стоматолога и слегка коснулась руки Алиции:

– Детка, по твоей диете что больше подойдет: кусок «Наполеона» или расстегай с мясом?

Когда Алиция ушла, бабка легко соскочила с инвалидного кресла и подбежала к окну. Верная Тоня встала рядом с хозяйкой. Они наблюдали, как Алиция, опустив плечи, идет через двор к воротам, волоча ноги.

– Господи, – вздохнула Татьяна Петровна, – выродился наш род! Ни красоты, ни чести, ни достоинства!

– Ну что ты, Таточка, издеваешься над девочкой! – попеняла Тоня. – Она славная.

– Да, да, – согласилась хозяйка, – славная! Кто ж спорит. Медузы тоже бывают по-своему красивы!

У забора Алиция вдруг остановилась и выпрямилась. Резко повернулась, показала бабкиному особняку фак и проворно юркнула за ворота.

Тоня испуганно ойкнула.

Татьяна Петровна расхохоталась:

– Молодец, девка! Не ошиблась я в ней, есть все же у неё характер! Наша порода, Резниковская! Будет из нее толк!

Княгиня в ботах

Эта бабка моментально получила кличку «Сука в ботах». Кличку придумала Верочка из овощного отдела, а возненавидел бабку весь Гастроном на едином вздохе. Бабка появилась в магазине на излете лета. В старом сером платье с воротником из таких же старых кружев. Подштопанные во многих местах кружева были кипельно-белыми и в меру накрахмаленными: не стояли колом, но держали форму. Невысокого роста, с идеально прямой спиной бабка была такая старая, что всем становилось понятно: ей давно ставят прогулы на кладбище.

Голову бабки украшала не виданная никем ранее шляпка-таблетка из переливчатой ткани, потертой на стигах. Сбоку торчало облезлое перо. Мяслик Миша назвал шляпку муаровой. Он закончил два курса филфака и частенько поражал сослуживцев образованностью. Добила магазин бабкина обувка. На ногах у бабки были настоящие резиновые боты на каблучках. И надеты они были не на голую ногу, а на какие-то туфлишки – с утра дождило.

Верочка нервно поправила воротник нейлонового халата. Бабка двигала в её отдел. Осмотрела через лорнет (да, именно через него – Миша сказал!) витрину и попросила взвесить триста (!!!) граммов сливы. Верочка привычным движением кинула в пакет ягоды примерно в равной пропорции: поло-

вина хороших, половина подмятых. Бабка высыпала сливы на прилавок, перебрала их, оглядывая в лорнет, и все подпорченные пододвинула в сторону Верочки. Назвав её душенькой, попросила сливы поменять. Верочка набрала в лёгкие воздуха, чтобы объяснить этой старой кочерыжке, куда ей надо пойти, но, встретившись с совершенно безмятежным взглядом выцветших глаз, вдруг... меняла сливы.

Вдруг стало понятно, что бабка в своём праве. А она, Верочка – нет. Тот же фокус бабка проделала с картошкой. А со свёклой Верочка уже экспериментировать не стала – положила два очень ровненьких и чистеньких корнеплода. Бабка прошла все отделы, покупая в каждом по несколько граммов товара: триста граммов творога, двести сметаны и маленький кусочек говядины у Миши.

В перерыв за обеденным столом разговоры крутились вокруг бабки. Эта побитая молью ветошь «сделала» весь Гастроном непонятно каким образом. Без скандалов и «качания прав». По количеству купленного товара, было понятно, что бабка завтра придёт снова. И также понятно, что «отыграться» им вряд ли удастся, потому как вредная старушенция плохой товар не возьмет.

Все чувствовали себя полными дебилами.

– Нет, вы видели эти боты! И где она их только отрыла? Такие носили буржуи до революции, – восклицал образованный Миша.

– Вот ведь сука, – компенсировала своё поражение Маша

из молочного.

– Ага! – подхватила Верочка, – сука в ботах!

С этого дня бабушку иначе не называли. Только Сука в ботах. Едва за окном замаячит облезлая конструкция с пером, по магазину пролетало:

– ИДЁТ!

Бабушка ни разу не взяла некачественный товар. Никогда ни с кем не поскандалила. Обращалась ко всем исключительно «милочка», «голубчик», «душенька» и «деточка». Вместо «спасибо» говорила «благодарствую». Желала всем благоденствия и просила кланяться родным и близким. Чудная была бабушка! И как-то так вскоре получилось, что весь магазин бабушку ждал. Продавцы поглядывали в окно. Директриса Ираида Львовна чаще выходила в зал. А грузчик Валентин, громыхая тележкой, деланно равнодушно интересовался:

– Ну, чё, утиль в муаре сегодня ещё не приползал?

Гастроном при появлении бабушки приосанивался. Всем почему-то хотелось ей понравиться. Не пыль в глаза пустить, а по-настоящему. Как будто каждый подозревал, что не дотягивает до её «милочки» и не заслуживает её «благодарствую» с поклонами.

Безразмерная уборщица Тоня, завидуя бабушкиной изящности, лёгкости походки и прямой спине, утверждала, что бабушка явно из дворянских недобитков: белая кость и голубая кровь. Мише, как самому грамотному, было поручено разузнать у бабушки её родословную.

Бабка на вопросы отвечать не стала. Лишь легко улыбнулась Мише, когда он назвал её княгиней:

– Не удостоился наш род.

Скоро во всех отделах Княгине (а теперь её иначе уже не называли!) стали оставлять самые лакомые кусочки. Миша припасал цыплят для бульона и телячью печёнку. Машка наливала сметану из того бидона, в который еще не добавила молока. «Рокфора» отрезала ровно сто граммов, хоть тот и крошился, зараза, если его резать маленькими кусками! Верочка откладывала красивые и ровные огурцы и помидоры, самый сладкий виноград. Ольга Петровна из «Бакалеи» доставала из-под прилавка настоящий английский чай, кофе в зёрнах и давно дефицитную «Белочку». Таясь друг от друга, продавцы сами оплачивали часть покупок Княгини. Даже Ираида Львовна просила Мишу подготовить самых свежих цыплят за её счет.

И вдруг Княгиня пропала. Когда она не появлялась уже четыре дня, сама Ираида Львовна дала распоряжение «разобраться и доложить». Разбираться откомандировали Верочку. Верочка знала только, что живёт бабка в соседнем доме. А дом тот был двенадцатиэтажным и с шестью подъездами! Как тут разбираться?!

У первого подъезда на скамейке сидели нахохлившись, как старые вороны три старухи.

– Фелицату вам? В третьем подъезде она, – ответила одна из старух, едва Верочка начала расспрашивать, – только по-

мерла она намедни.

Одиноких людей хоронит государство. Но Ираида Львов-на распорядилась, что хоронить бабуку будет Гастроном. Хоронили её на Смоленском кладбище. Недалеко от часовни Ксении Блаженной. У Фелицаты было какое-то особое разрешение на подзахоронение после кремации в могилу к родным.

Для поминок Гастроном расстарался. Стол ломился от деликатесов, но никто к ним не притронулся. Не пилося и не елось. Отец Никодим, такой же древний, как и покинувшая этот мир Фелицата, рассказал её немудреную историю.

Фелицата Аркадьевна Черемисина родилась в 1895 году в Петербурге. Все 93 года она и прожила в этом городе, упрямо называя его старым именем. Её родители имели большую квартиру из двенадцати комнат на Васильевском острове. Отца расстреляли в восемнадцатом году, братья погибли на фронтах гражданской войны. Фелицате с сестрой и матерью разрешили жить в узкой пятнадцатиметровой комнатке для прислуги. Остальные комнаты заняли «товарищи». Мать и сестра вскоре скончались от тифа, а Фелицата осталась. Семьи не завела, детей не родила. Как-то устроилась учительницей в музыкальную школу. В ней и проработала до семидесяти лет. В блокаду едва не умерла от голода. Но чудом попала в эвакуацию вместе со школой. Так бы и прожила она всю жизнь на своём любимом Васильевском острове в родной квартире, если бы не соседи. Очень им хотелось

жить в отдельных квартирах. Уговорили, умолили. Разъехалась коммуналка по всему городу. И оказалась Фелицата после василеостровских линий в однушке в Весёлом поселке.

– Прожила она здесь меньше года...

– Да... – который раз пытался заговорить Миша-мясник.

И снова замолкал.

– Эпоха! – Поддакивал грузчик Валентин.

– И никакая она не сука, – размазывала по лицу польскую тушь Маша.

– Ага, – соглашалась Тоня, поглаживая Машу по кримпленовым плечам.

– Это мы по себе судим!

– Скоты мы, и жизнь ведем поганую! – припечатала Верочка. – Всю жизнь кuebздимся-кuebздимся, света белого не видим. А бывают люди... такие... такие! Вот как наша Фелицата, – и некрасиво заплакала.

– Как нам всем повезло, что она ходила в наш магазин, – вытащила из рукава кружевной платочек и приложила к глазам Ираида Львовна.

Все вновь замолчали, как никогда понимая, ненужность слов. Эта Сука в ботах, вековая ветошь, разбудила в них то, чего они и сами за собой не знали. То самое светлое, что есть в каждом. Никто не видел, а Фелицата разглядела. В маленьком старом теле оказалась такая мощная сила духа и бездна достоинства, что их души тут же откликнулись. И потянулись к ней. Им всем хотелось стать лучше и чище. Что-

бы быть к Фелицате поближе. Пусть не на одной ступеньке, но хотя бы на одном крылечке...

Ночной звонок

Лада с трудом нашарила в темноте телефон. Половина третьего! В голове прозвучало голосом любимого артиста «Я очень не люблю ночных звонков...»

– Лада Романовна, это Гриша...

– Какой Гриша? – не поняла Лада, стараясь закрыться от всеобъемлющего страха, наползающего на неё стотонным танком.

– Друг Антона.

– Господи, Гриша, прости, я не узнала тебя. Что случилось?

Гриша молчал. А Лада чувствовала, как танк её полностью подмял. И такая знакомая и ненавистная чёрная волна потащила её за собой.

Замелькали картинки: улица, дорога, машина, скорость, большая скорость, удар... боль. Страшная боль... Темнота...

– Когда? – выдохнула Лада, едва раздвигая губы.

– Два часа назад, – Лада поняла, что Гришка плачет. – Он разогнался и...

– Не надо, – остановила его Лада, – я знаю. Куда приехать?

Лада смотрела на груды искореженного красного металла. Тело Антона уже увезли. Странно, что она так подумала про сына: тело. Гриша стоял чуть поодаль, постоянно дёргая головой. Вытирал лицо о воротник куртки. Лада пошла к ма-

шине. Вернее, к тому, что ещё несколько часов назад было яркой дорогой игрушкой.

– Не надо, Лада Романовна, – Гриша рванулся к ней. – Не надо вам туда. Там...

– Кровь? – Лада посмотрела Грише в глаза. – Я знаю, Гришенька. Это кровь моего сына.

Лада опустилась на колени рядом с большими темными пятнами на асфальте. В тусклом освещении была непонятна природа их происхождения. Но Лада знала – это кровь её мальчика. Красивого, умного, безмерно любимого. Единственного.

– Почему кровь здесь? – растерянно спросила Лада, соизмеряя расстояние от пятен до искореженного железа. Ей казалось, что выяснить это очень важно.

– Он еще жив был... – Гришка уже не стеснялся Лады. Судороги рассекали его лицо словно молнии грозное небо. Он тяжело сглатывал рвущиеся рыдания. – Пока «Скорую» ждали, тут лежал... Натекло...

Гриша отвернулся.

– А ты как узнал? – Лада говорила, чтобы не молчать. Она была уверена, что как только замолчит, сойдет с ума. Надо говорить. Все равно что.

– Мой номер в его телефоне был последним. Он звонил мне за полчаса, – в горле у Гриши забулькало.

Лада провела рукой по тёмному пятну на асфальте, поднесла руки к лицу. Кровь её мальчика. Этого не может

быть! Это просто дурной сон! Нет, нет! Это не может быть правдой. Чёрная волна вновь начала свою атаку на Ладино сознание: коридоры, коридоры, тусклое освещение, столы, на столах люди. Стоп! Каталка, на ней Антон. Лицо разбито до неузнаваемости. Но Лада знает: это он! Его любимая куртка из тонкой лайки цвета шоколада. Песочные мокасины. Она сама недавно привезла их ему из Италии. С его сорок пятым размером непросто найти хорошую обувь! К каталке подошёл человек, начал проверять у Антона карманы. Всё, что нашел, сунул в карман своего халата. Пошел к выходу, но вернулся, снял с вывернутой руки Антона часы.

Лада очнулась. Значит всё правда! Антошки больше нет. Грудь стиснуло. Невозможно сглотнуть, вдохнуть, что-то сказать. Лада судорожно вцепилась в горло, захрипела. Гриша в одно мгновение оказался рядом. Он тряс её за плечи, что-то кричал. Подбежали люди, влили ей в рот жидкость из плоской фляжки. Горло опалило. Вместе с огненным клинком в тело со свистом влетел воздух.

– Пойдемте, Лада Романовна, – Гриша поднимал её с асфальта, – не надо вам здесь.

Бедный мальчик, он так пытался её защитить от горя. Лада уже пошла от искореженной машины и кровавых пятен, как боковое зрение зацепилось за какой-то предмет. Она отстранилась от Гриши, наклонилась. Кольцо. Антошкино кольцо, подаренное ему бабушкой, Ладиной мамой. Антон носил его на кожаном шнурке на шее. Лада стерла кровь

с кольца о свое белое пальто. «Спаси и сохрани» – просила надпись по окружности. Не спас... Не сохранил...

Наконец-то Лада заплакала. Нет, завывала. Сначала тихо, потом все громче и громче. Вместе с вылетающим из горла страшным криком рвалась из тела её душа. Рвалась и умирала. Лада настолько была страшна в своем горе и отчаянии, что Гриша не осмелился к ней подойти. И никто не осмелился.

Смертельный рык раненой волчицы повис над городом на одной ноте. У всех, кто слышал этот вой, вставала дыбом кожа. В этом вое умирала в корчах Ладиная душа. Когда, наконец, вой весь вышел и наступила тишина, Лада почувствовала на месте души бездонную пропасть, наполненную болью. И никаким другим чувствам места там больше не было. Лада поднялась с колен и подошла к оцепеневшему Грише.

– Пойдем, Гришенька, – Лада коснулась его руки и кивнула в сторону припаркованной вблизи Тойоты. Гриша посмотрел на Ладу и отшатнулся: перед ним стояла совершенно седая старуха. Вместо всегда смеющихся зеленых глаз на лице старухи чернели две глубокие ямы. Из ям на Гришу строго и требовательно смотрела сама смерть...

Игры в прятки

Вот бывает, что не ждешь хорошего, а оно – ррраз – и случается! Накануне 8 Марта свекровь взяла к себе наших детей, чтобы мы с мужем «куда-нибудь сходили». Ага, вот прям разбежались! Я уже прикидывала, как приду домой с работы, поваляюсь в ванне, надену любимую уютную пижаму и завалюсь с книжкой под одеяло. А утром буду спать-спать-спать-спать. И никто не будет канючить: «Ну, мааам, мы есть хотииим!».

И надо же было мне взять в руки этот журнал, оставленный кем-то в учительской на столе! Там было написано, как важно устраивать мужьям сюрпризы и праздники. Я мысленно оплакала планы на отдых и запланировала романтический ужин. Весь такой при свечах, с вином и вкусоностями. Романтик-романтик, любовь-морковь! Ну потом кино на диване в обнимку, эротические игры и долгий утренний сон.

Когда я уже наметала на стол красоты и вкусоности, нарисовала неотразимость на лице, нарядилась, как на выход в Мариинский театр, и приготовила кружевную ночнушку, позвонил муж. Радостным голосом сообщил, что у них там сегодня в штабе «поздравление тёток» по случаю предстоящего праздника, поэтому он задержится на пару часиков.

О моих планах на романтик муж не знал. Это ж из серии – сююююрпрааааайз! Ох, как я обиделась! Ну как же так, я тут

уже всего напланировала. Все так красиво придумала и организовала, салат его любимый построгала, а он..., а он...! Даже слова не подбирались, чтобы назвать его поступок. Я накручивала свою обиду, как нитку на клубок, совершенно забыв, что муж не был в курсе моих вечерних планов.

Он сейчас будет всяким тёткам комплименты говорить, цветы дарить, улыбаться! Потом они выпьют там все, начнутся танцы-шманцы! А ты, бедная и несчастная жена, сиди дома одна. Блестящая, как пряжка на парадном ремне, вся такая душистая, как дембель пред увольнением. И нарядная, как жена командира полка во время инспекции магазина. И никому не нужен твой ужин при свечах в комплекте с эротическим бельем! И никто тебя не ценит и не любит!

Я пострадала для порядка с полчаса и призадумалась. Вот ты значит как?! Чужие тетки тебе важнее и дороже единственной жены? Ну ладно, посмотрим, чья возьмет! Я, знаешь, тоже не... пуговица от кальсон! И поклонники у меня есть. Вот все папаши моих учеников мне комплименты говорят. А некоторые даже к ручке прикладываются!

Я быстренько ликвидировала праздничный стол, рассовав парадные закуски по углам холодильника. На передний план выставила кастрюлю с борщом и макароны по-флотски. Ибо вот! Думаешь, тебя тут кто-то ждал? Да кому ты нужен, иди к своим крысам штабным!

Смыла красоту, переделалась в домашний костюм. Так, что дальше? Скандал – это пошло и банально. Думай, Гала, ду-

май! Мстить надо красиво и изящно. Я решила к приходу мужа спрятаться в шкафу. Убрала пальто (благо тогда оно было одно!), спрятала в детской комнате сапоги. Пусть этот гад придет и увидит, что жёнушка его совсем не киснет в тоске-печали. Её вообще дома нет! Она проводит время весело и интересно. Уйти из дома я не могла, потому как я должна была собственными глазами увидеть его страдания и испытать триумф от собственной значимости.

Я уже рисовала сладостные картинки, как муж сначала удивится, потом расстроится, потом забеспокоится, потом испугается и рванет в ночь с прытью новобранца перед старшиной на поиски любимой жены. Сидеть в шкафу я планировала до торжества справедливости и полного удовлетворения мести. Хоть до утра!

Едва в двери заскрежетал ключ, я юркнула в шкаф на подготовленное место. Муж пошуршал в коридоре одеждой, зашел в комнату, включил свет и удивился не очень трезвым голосом:

– О, Галки нет! Куда это она ушла?!

Все идет по плану! Он удивился. Сейчас начнет волноваться. Я ликовала, наблюдая за мужем в предусмотрительно оставленную щелочку. Он снял форму, натянул джинсы и тельняшку и ушел на кухню. По количеству хлопков холодильника стало понятно, что все мои нычки он успешно обнаружил и теперь его желудок испытывал кулинарный экстаз! И совсем не от борща!

Сидеть в шкафу было неудобно, тесно и душно. Спину заломило, ноги затекли. Я повозилась, пока мужа нет, устраиваясь поудобнее. Ничего-ничего, сейчас ты забеспокоишься! Прошло полчаса, может, чуть побольше. Беспокойства никто не выказывал. Я хотела в туалет, пить и даже есть! Я ж от злости даже не попробовала свои шедевры! Мстительница! Сижу тут теперь как идиотка, а он там лопает от пуза!

Наконец муж появился в комнате, сыто мурлыкая какой-то веселый мотивчик. Я уже думала не о мести, а как бы мне дойти до туалета. Уснул бы что ли поскорей! Можно будет вылезти из своей засады. Но не тут-то было! Муж расстелил диван и включил телевизор. Еще минут сорок он смотрел какой-то фильм. Потом начал слегка похрапывать. Вскоре храп стал вполне устойчивым. Я вывалилась из шкафа и, чтобы не спалиться, поползла из комнаты, по пути выключив телевизор. Хотя какое – спалиться! Муж спал сном праведника, выполнившего на сегодня все важные дела.

Я открыла холодильник, достала миску салата, отметив удивительную прожорливость мужа после корпоратива. Доела салат, налила себе большую кружку чаю и отрезала внушительный кусок собственноручно испеченного торта.

Чувствовала я себя странно. Изо всех сил я пыталась сгенерировать в себе обиду, но из глубины рвался смех. Я посмотрела на себя в зеркало и от души захохотала: сидит такая курица, лопающая на ночь торт с кремом из масла и сгущенки. Только кружевных труселей для убойной красоты не хва-

тает!

Утром муж встал раньше меня. Когда я выползла на кухню после вчерашних нервов, меня ждал большой букет тюльпанов, коробка литовских конфет с ликером и духи! Французские! Настоящие! Где взял-то?! Я моментально запомнила вечеринку с чужими тетками и кинулась к мужу обниматься-целоваться.

Мы выпили вчерашнего вина, потом кофе с остатками вчерашнего торта, и муж вдруг спросил:

– Да, а где тебя вчера носило? Я уснул, ждал-ждал, не дождался.

Пока я судорожно придумывала достойный ответ (не рассказывать же про шкаф!), муж сам ответил:

– Что, со школьными подружками шампусиком баловались? Правильно, пользуйся моментом, пока наша банда в отъезде!

Больше мы эту тему не обсуждали.

А я для себя сделала вывод: другой человек может думать и действовать совсем не так, как я. И если я прячусь, то это не означает, что меня будут искать!

Светлана Савилова

Гражданин страх

Гражданином в пальто цвета черной ваксы шёл по улице Страх. Заглядывал в окна к жителям, спрятавшимся за трехслойными стеклопакетами. Смотрел на них, изучал.

И стал задувать свечи мечтаний и надежд. Вот девочка хочет стать актрисой, играть в «Чайке» на сцене Большого. Зашел Страх погостить к ней. Испугалась девочка: не получится поступить у неё в училище – много же таких, как она. Так с испугом живет.

Ушёл страх довольным. Путешествие можно продолжать. А вот и молодые супруги – заглянет и к ним на огонёк. Скромная квартирка, диван и тумба с телевизором. Мечтают о ребенке. Давно. Незванный гость и тут решил след в мыслях оставить: как им вырастить дитё, молодые же ещё. И не поместится кроватка даже в комнатухе. Оставят мечту до следующего года. Потом до трёхкомнатной квартиры. А потом уже и не надо будет.

Иногда Страх брал в попутчики Уныние. Когда нет сил сопротивляться испугу, тогда оно подселялось к людям. Как у той женщины, что побоялась уйти от мужа-деспота: не нужна она никому, никто не будет кормить её ребенка.

Или как к девушке, что побоялась пойти наперекор матери-тирану: не получится сбежать из этого пристанционного городка, до конца жизни останется она здесь, среди проезжающих в другую жизнь поездов.

Долго бродил Страх. Но в одну ночь столкнулся с мальчиком на улице. И хотел уже и к нему поселиться. Как посмотрел паренёк в глаза Страху и сказал: а почему ты один на улице, темно же. Увидел мальчик, что Страх не так уж и огромен. Просто ему одному тяжело и скучно. И подумал мальчик: и зачем мне с ним идти?! Как только подумал, так тут же встала за его плечами Уверенность. Да такая, что Страх подступить к нему уже не смог. Ушёл в черном пальто другой дорогой.

Стол

«Что, довые*...сь», – словами портового грузчика разговаривала она с собой. Прокуренный, с хрипотцой, голос продолжал: «Сиди, реви, как с..., теперь. Собирай одна этот грёбаный стол».

Вспомнила прошлые выходные, совместный поход в мебельный. Принцесса, сотканная из шелковых ленточек, прошептала ванильно-карамельным голосом: «Милый, какой столик. Представь, как мы будем пить чай за ним и смотреть фильмы Марвел. Ты же их так любишь».

На столик уговорила быстро. А потом. Вот захотелось ей поставить чудо интерьерного рынка прямо в эту пятницу. Ни днем раньше, ни днем позже. Да, она слушала, как он говорил про заказ, таможню и налоговую. И как ему хотелось наорать на все официальные службы.

Принцессе бы продолжить лить медовым нектаром ему сладостные речи. Но тут повелительное наклонение вступило в бой. Торопилась со своим столиком. Ну подождала бы день. Он молча сжал руки. В кулаки. Выдохнул. Лег на кровать. Даже не развернулся к ней.

А с утра – тишина. Ушел рано, не слышно, она даже не проснулась.

Соберёт, конечно, соберёт она этот конструктор дизайнеров. Куда только тут прикручивать ножки? И где инструкция

по сборке?

Звонок телефона, его мелодия. Вытирает слезы, берет трубку: «Милая. Нам забыли положить инструкцию. Через часок буду. Ненормальная ты моя».

Грузчик ушёл собирать якоря в порту. Принцесса из шелковых ленточек поднялась на борт.

Евгения Колесник

Про людей

– Я – процесс! – сказал бомж Стася бомжу Васе и аккуратно выложил просроченные пачки с сосисками из мусорного бака. Рядом стопочкой сложил пустые коробки и прочее несъедобное – перфекционист.

– Ты, Стася, ловелас. Пожиратель, так сказать, сердец и покоритель женщин из «Пятёрочки». Кормитель мой, – прохрипел Вася. Он был безгранично рад большому сердцу Тamarочки из магазина, которая манерно выкидывала просроченные продукты в мусорный бак. То ли от любви, то от жалости. А может, она вообще ни о чём не думала. Просто выкидывала и все.

– Приказали долго жить, – приговаривала она, и чей-то ужин из сосисок летел вниз, – и эти не заставили себя ждать, – хлоп-хлоп синими тенями и длинными накладными ресницами. Некоторые женщины от рождения красятся безумно и носят тапочки на шерстяные носки.

– А ты, Вася, результаааат, – Стася достал консервированную рыбу и подумал, что это к празднику. – Тебе, Вася, надо учиться наслаждаться жизнью. А то будешь как эти все... на драндулетах. Бабки, бабки, бабки, бабки... Вот я нашел

рванный свитер – хорошо. И от поиска, и от свитера. Все мне в кайф, Василий!

Стася – доктор кафедры философской антропологии. В прошлом. Что-то он там однажды прочитал и после этого домой не вернулся. Что прочитал – не сказал никому, но бомжи из окрестностей его сразу приняли и любили с ним раздавить чекушку. После чекушки Стася добрел и делал своими разговорами всем хорошо, ставил цели, и жизнь обретала смысл.

– Вот ты, Вася, когда ботинки приобретешь теплые? Скоро зима, холодно. В чем будешь жить? – Стася крутил в руках резиновые сланцы и думал, хранить их или здесь оставить. Решил, что не нужны они ему сейчас – нечего гардероб раздувать, и аккуратно положил на крышку закрытого соседнего бака. Рядом с баками хотел припарковаться Федор Тимофеевич, вернувшийся с работы. Посмотрел на баки на колесах, на бомжей, оценил силу ветра. Почесал висок и умчал на соседнюю улицу.

– Вот выкинут – и приобрету, – ответил Вася, вдохнул через рот и выдохнул через нос. Что означало недоброе. Еще пару раз выдохнет – и чекушку к ночи не жди.

– Не по смарту, дружище! – глумился Стася, на что был послан в барбершоп. Бомжи бомжами, а культуру не пропьешь и на улице не проспешь. Никакой нецензурицины, особенно при дамах.

Тамара в это время курила тонкую сигарету и хлопала

длинными ресницами. Она смотрела на бомжей, на мимо проезжающие машины и думала о том, как устроен этот мир. Дома её ждал муж и сын Петька, которому тоже нужны зимние ботинки. «Фирмовые», потому что дети в школе любят хвастаться.

– Черт с тобой, куплю я тебе твои... Тимберленды, или как там это убожество называется, – сказала Тамара, разглядывая звезды в луже под ногами. Затушила бычок о стену магазина и пошла сдавать кассу.

Про малину

– Я читаю твои мысли, – сказала Рыжая и запила из бокала. Глаза зеленые, не ведьма.

– Тогда тебе должно быть страшно. Я же думаю там всякое... про твоё платье-и-запястья-и-щиколотки, – сказал Сильный и налил себе чая с чабрецом.

– Даже читать не надо, и так все расскажешь...

Рыжая всегда любила сильных, и чтобы агрессия была. Здоровая, мужская, чтобы «Я первый» и никак иначе. А она такая маленькая, острые коленки и пальчики аристократа. Просто рядом, и ничего не страшно. Даже мысли читать.

– Вы сегодня пили, – сказала она официанту. Тот смутился, глаза большие, брови вверх.

– Ну да, я тут в четыре часа дня был на курсах. Я вот хожу на курсы сомелье, и мне это так нравится. И вот я туда хожу и...

– Губы у вас синие, знаете?

– Ах, да. Шесть сортов сегодня пробовали и ...знаете, как будет вкуснее это есть?

Официант взял бутылку у панорамного окна, за которым развернулась типичная набережная типичного Питера. Панорамы Питера почти мейнстрим, почти «лифтолук» в инстаграмме какой-нибудь современной девчонки. Но все равно невероятно медитативно.

– Мы все так это едим, – в бутылке пошевелились усы креветки. Рыжая удивилась, когда поняла, что это оливковое масло с перчиком. – Пара капель остренького и вот этого вот, – бальзамический уксус появился на плоской белой тарелке. Вместе с маслом все растеклось как кофейная гуща. Или дорогая картина.

– Макайте туда, так интереснее, – официант явно испытал подъем и симпатию. Рыжая тоже осталась довольна.

Сильный наблюдал за ее косточками на руках. У женщин такие изящные кисти, особенно он любил маникюр с красными оттенками. Пальчик, пальчик, и такая манящая малина на каждом пальчике сверху. Он испытывал желание укунить каждый пальчик, как настоящий охотник за ягодами. И греть эти графичные очертания, даже если им не холодно. Просто потому что может.

Рыжая сокровенного прочесть не могла, хотя ей бы понравилось.

В воздухе почти физически ощутимо застыло желание и взаимность.

Про любовь

– Жутко громко и запредельно близко.

– Это как? – спросила девушка на ломаном русском.

– Это так, – ответил парень в адиках, – ощущай.

Парень смотрел кино Вырыпаева. И видел обложку книжки Фоера. От таких культурных посылов парень был потрясен как белые хлопья в снежном шаре.

Слоган: «Скоро в каждом офисе страны».

Близился Новый год.

– Я совсем не понимать, – девушка почувствовала снежинку на реснице, но не волновалась. Только еще шире открывала глаза, пытаюсь понять чужой язык. Снежинка растаяла, и белое оставило черный след. «Как странно», – подумал парень и стал пританцовывать танец замерзшего человека.

Парня звали Валя. Он с детства не любил свое имя, потому что дразнили и нужно было давать сдачи. Как-то раз он смотрел передачу, что-то вроде «Вокруг света». Мужик из телевизора сказал:

– В этих племенах до сих пор считают, что имя обладает силой. И если враг знает твое имя – он может забрать твою силу. Поэтому местные аборигены придумывают себе имена, а данное при рождении скрывают.

Мужик еще много чего рассказывал, но Вале было до лампочки. Он думал, что охренеть как много людей знают его

имя, ввиду чего и сила растрочена. Поэтому надо вести себя, как крутой, иначе пацаны догадаются и тогда адъёсы-папиросы. На самом деле имя сделало его сильным, обрекая на необходимость самообороны. Валя это поймет, но много позже.

– Пуля, – сказал парень, – меня зовут Пуля.

– Почему Пуля? – спросила девушка. – Пуля – это стрелять, ты стрелять?

– Ага, сижки, – поржал он в ответ.

Девушка подумала, что мужчины в этой местности волнительно странные. Гротескно смеются и страстно бьют друг другу морды, так страстно могут только великолепные любовники, не видевшие друг друга много лет. Был еще какой-то стереотип про ушанки и медведей, но это совсем скучно по сравнению с местной дискотеккой. Сначала была воробьиная дискотека, с семи до десяти вечера.

– Варабынная, – отуманенная какой-то настойкой из бутылки без этикетки, повторяла она в гугл-переводчик.

– Смотри, как подругу штырит, – говорили все, кто видел ее.

– Штырит, – говорила подруга переводчику, хотела стать своей.

Потом начиналась дискотека для взрослых. Хотя большой разницы между девушками с воробьиной дискотеки и другими взрослыми не было. Иностранка как-то читала статью про зависимость длины юбки женщины от экономического

состояния страны.

«Какая дивная у них экономика», – думала она, разглядывая мини, – «какой у них волшебный президент!»

– Ну что, ощущаешь? – спросил ее Пуля снова, – ощущаешь, как я к тебе запредельно близко?

Он по-птичьи кивал головой на каждом произнесенном слогe.

– Вы наверно очень любить свою страну и свой президент, – сказала девушка четко, на лад Маяковского.

– Любить, еще как любить, и не только свою страну между прочим, – хохотал Пуля. – Жутко громко здесь, родная! Пойдем, я покажу тебе весь мир!

– Правда вьесь?

– Ну может что-то мы и не увидим, но свой мотоцикл тебе точно покажу!

Алина Литуева

Книжная жизнь

Она открывает балконную дверь, и я теряю дар речи. То, о чем я читала в книгах и видела в инстаграмах. Замираю на пороге и не решаюсь войти.

Сара наблюдает за моей реакцией снисходительно и в то же время понимающе. У них с Андреа не было бы этой квартиры, если бы у её тетки были дети.

– Что еще нужно?

– Как в кино. Так вот откуда ты шлешь мне эти бездонные закаты!

– И рассветы тоже. Мы любим завтракать на балконе.

Дом, расположенный на первой линии туристического городка, позволяет видеть горизонт. Ничто не разделяет тебя с морской бесконечностью.

Я хочу здесь жить.

– А кем работала твоя тетка?

– Няней в детском саду.

– Всю жизнь? Вот так ходила на работу в детский сад каждый день?

– Да, сорок лет подряд.

Сорок лет в детском саду. Да нет же! Сорок лет у моря.

У самых его стоп.

– И зимой? – задаю откровенно глупый вопрос.

– Конечно. Она здесь родилась, выросла и умерла.

Это получается, что тетка Сары не приезжала вахтой разливать саррусию, выдавать ключи с номерками, протирать шезлонги. Просто родилась и умерла в окружении гигантских фикусов и рододендронов.

– А зимой здесь погода не очень. Ветрено, влажно...

Сара принялась рассказывать о недостатках местного климата, но я уже ничего не слышала. Я представляла ее тётку, собирающуюся на работу свежим декабрьским утром. Я хотела проникнуть в её рутинную вдали от пляжных забав жизнь.

Нет, ну если бы я была этой тёткой, я бы точно не работала няней! Здесь же надо быть художником. Непременно! Нужно просыпаться каждое утро и тратить *il tempo prezioso* на что-то великое – рисовать ветреный и влажный лигурийский рассвет.

В голове не укладывалось, что можно быть не выдающимся человеком и жить недостижимой, почти книжной жизнью у моря.

Палатка

Я не спала всю ночь. Эта палатка была тесной для нас двоих, а с ребенком – вообще не развернуться. Замученная бессонницей и болью в мышцах, я мысленно разглядывала звезды через тканевый потолок нашего «дома на природе», как, наконец, услышала первые шевеления снаружи.

Слава богу, значит уже пять – йоги просыпаются на медитацию. Делать нечего, сон мне сегодня не светит, я тихо приготовила набор для душа и побрела.

«Ах вот когда нужно просыпаться, чтобы не стоять в очереди в душевую кабину», – подумала я. Никого не было. Спустя минут двадцать подошли две индианки. Я похвалила себя за то, что встала раньше них. Обычно индийцы более дисциплинированы в том, что касается утреннего подъема.

– Do you have some toothpaste?

– Sure. Take it.¹

Ага, вы еще и пасту забыли. 2:0.

Я привела себя в порядок, набрала в бутылку немного воды и пошла в ангар.

Лагерь еще не проснулся. Так что я заняла место недалеко от портрета Гуру.

Утренняя медитация совсем другая. Более ясная и глубокая. Кажется, что не ты в неёходишь, а она в тебя. Обво-

¹ – У вас есть зубная паста? – Конечно, берите.

лакивает и растворяет. Я смотрю на бинди Шри Матаджи, стараясь удержать внимание.

Прохладная тишина продолжает входить в мое тело, и я больше не чувствую неудобство сидения по-турецки. Позу лотоса я так и не освоила.

Медитируют йоги бесшумно: сидят неподвижно, ладони открыты, ум чист.

Индийцы, китайцы, лица европейской наружности. Белокурый папа с двумя такими же альбиносами-детьми. Ого, даже не орут. Сколько они уже здесь сидят? Кто пришел самым первым? У кого действительно получается медитировать? И все ли проснулись по собственному желанию или есть кто-то, как я, от безысходности?

Чувствую себя самозванкой. Если б палатка была побольше, меня бы только к завтраку обнаружили. И то, к его окончанию. Не зря муж называет меня *sfaticata* – дословно «лентяйка», но я предпочитаю переводить как «человек, который не любит расходовать энергию напрасно».

Я позволяю всем этим мыслям жужжать в сознании назойливой мухой, но не делаю из нее слона, ведь я пришла за тишиной.

Тишину описывать трудно, тем более, когда она случается с тобой нечасто. В целом это похоже на то, будто из головы вынули центнер шуршащего пластика. Прояснилось. И вот тебе уже все равно, успеешь ли взять порцию тушёной картошки или придёшь к шапочному разбору риса басмати.

В общей сложности я с удовольствием пробыла в компании махайогов около часа. Дома я, конечно, столько не медитирую. Десять минут – рекорд новоиспеченной, не очень организованной мамыши.

Раз уж я проснулась так рано, надо воспользоваться случаем. Мои все равно еще спят. Я пошла к реке.

На удивление вода не была ледяной. По обе стороны речушки уже сидело несколько йогов, опустив стопы в воду и не громко распевая мантры.

Петь мантры по утрам – не мое. Я хочу слышать голос тишины, ведь у нее за день будет возможность меня послушаться.

И вот я, напоенная безмолвием и умиротворением, всматриваюсь в игру облаков, меняющих силуэт, и радуюсь, что мы сюда приехали. Благодарю Бога, что за пару часов до поезда нам удалось прекратить ненужные пререкания, взять в руки себя, ребёнка и тесную палатку, которая сегодня подарила мне редкий опыт погружения, от которого в суете повседневности я давно отвыкла.

Космическая дыра

Пока я вглядывалась в её крохотное совершенное тельце, муж принес свидетельство о рождении.

– Tieni. I suoi documenti.

«Значит, она настоящая», – пронеслось в голове. Документы имеют силу ставить твои ноги на землю, а тебя на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.